

ПОСЛЕДНИЕ (ПРЕДСМЕРТНЫЕ) ПИСЬМА Н. Н. ТОЛСТОГО к ФЕТУ и И. П. БОРИСОВУ

Публикация А. Г. Гродецкой

Воскрешая в «Моих воспоминаниях» зиму 1857/1858 года, проведенную в Москве, Фет писал: «Днем я прилежно был занят переводами из Шекспира, стараясь в этой работе найти поддержку нашему скромному бюджету, а вечера мы почти безотлучно проводили в нашей чайной. Тут граф Ник<олай> Ник<олаевич> Толстой, бывавший у нас чуть не каждый вечер, приносил с собою нравственный интерес и оживление, которые трудно передать в немногих словах. В то время он ходил еще в своем артиллерийском сюртуке, и стоило взглянуть на его худые руки, большие, умные глаза и ввалившиеся щеки, чтобы убедиться, что неумолимая чахотка беспощадно вцепилась в грудь этого добродушно-насмешливого человека. К сожалению, этот замечательный человек, про которого мало сказать, что все знакомые его любили, а следует сказать — обожали, приобрел на Кавказе столь обычную в то время между тамошними военными привычку к горячим напиткам. Хотя я впоследствии коротко знал Николая Толстого и бывал с ним в отъезде поле на охоте, где, конечно, ему сподручнее было выпить, чем на каком-либо вечере, тем не менее, в течение трехлетнего знакомства я ни разу не замечал в Ник<олае> Толстом даже тени опьянения. Сядет он, бывало, на кресло, придвинутое к столу, и понемножку прихлебывает чай, приправленный коньяком. Будучи от природы крайне скромн, он нуждался в расспросах со стороны слушателя. Но наведенный на какую-либо тему, он вносил в нее всю тонкость и забавность своего добродушного юмора. Он видимо обожал младшего своего брата Льва. Но надо было слышать, с какой иронией он отзывался о его великосветских похождениях. Он так ясно умел отличать действительную сущность жизни от ее эфемерной оболочки, что с одинаковою иронией смотрел и на высший,

и на низший слой кавказской жизни. И знаменитый охотник, старовер, дядюшка Епишка (в „Казаках“ гр. Л. Толстого — Ерошка) очевидно подмечен и выщупан до окончательной художественности Николаем Толстым».¹

С января 1846 года Николай Толстой служил в артиллерийской бригаде на Кавказе, и именно к месту службы старшего брата, в станицу гребенских казаков Старогладковскую приехал, как хорошо известно, в мае 1851 года Лев Толстой.² В отставку Н. Н. Толстой официально вышел в 1858 году, фактически оставив службу в 1857-м,³ отсюда и упоминание Фетом его «артиллерийского сюртука».

Параллель к мемуарной записи Фета составляют относящиеся к тому же времени воспоминания Т. А. Кузминской: «Мария Николаевна (Толстая. — А. Г.) проводила зиму 1857–1858 г. в Москве, и у нее я впервые встретила брата ее Николая Николаевича. Он был небольшого роста, плечистый, с выразительными глубокими глазами. В эту зиму он только что приехал с Кавказа и носил военную форму.

Этот замечательный по своему уму и скромности человек оставил во мне лучшие впечатления моего детства. Сколько поэзии вынесла я из его импровизированных сказочек. Бывало, усядется он с ногами в угол дивана, а мы, дети, вокруг него, и начнет длинную сказку или же сочинит что-либо для представления, раздаст нам роли и сам играет с нами. <...> Николай Николаевич с добродушной иронией относился к великосветским выездам брата. Войдет Мария Николаевна, и он ей, улыбаясь, скажет:

— А Левочка опять надел фрак и белый галстук и пустился в свет. И как это не надоест ему?

Сам Николай Николаевич нигде не бывал; он жил на окраине Москвы, где, впрочем, всегда его отыскивали его почитатели и друзья. Между ними были Тургенев и Фет».⁴

Рассказ Тургенева о московском быте Николая Толстого, которого отличал, помимо таланта, «чисто философский склад ума», воспроизвел

¹ *МВ.* Ч. 1. С. 217–218.

² См.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. М., 1958. С. 27, 43–45.

³ Н. Н. Толстой вышел в отставку и уехал с Кавказа в 1853 г., однако вторично поступил на военную службу в ноябре 1855 г., получив формально отставку в 1858 г. (см. данные его формулярного списка: *Пузин Н. П.* И. С. Тургенев и Н. Н. Толстой // *Пузин Н. П., Архангельская Т. Н.* Вокруг Толстого. 2-е изд. Тула, 1988. С. 77; впервые та же статья: *Тургеневский сборник.* Л., 1969. Вып. 5. С. 419–428).

⁴ *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1973. С. 59.

Л. Н. и Н. Н. Толстые. Дагерротип К. П. Мазера. Москва, 1851 г.
Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)

в своих мемуарах Е. М. Гаршин: «То смирение перед жизнью, — говорил нам Иван Сергеевич, — которое Лев Толстой развивает теоретически, брат его применил непосредственно к своему существованию. Он жил всегда в самой невозможной квартире, чуть не в лачуге, где-нибудь в отдаленном квартале Москвы, и охотно делился всем с последним бедняком. Это был восхитительный собеседник и рассказчик <...>».⁵

Старшему брату Лев Толстой в «Воспоминаниях» (1903–1906) посвятил о многом говорящие страницы: «Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек. Тургенев говорил про него очень верно, что <он> не имел только тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть писателем. Он не имел главного нужного для этого недостатка:

⁵ Гаршин Е. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе // ИВ. 1883. № 11. С. 388.

у него не было тщеславия, ему совершенно неинтересно было, что о нем думают люди. Качества же писателя, которые у него были, было прежде всего тонкое художественное чутье, крайнее чувство меры, добродушный, веселый юмор, необыкновенное, неистощимое воображение и правдивое, высоко нравственное мировоззрение, и всё это без малейшего самодовольства».⁶ Созданные Николенькой детские истории о «муравейных братьях» и «зеленой палочке» Толстому были неизменно дороги: «Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня. <...> Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, <...> остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».⁷

В кругу знакомых и друзей Николай Толстой остался автором единственного литературного произведения — очерков «Охота на Кавказе», опубликованных в февральском номере «Современника» за 1857 год.⁸

⁶ Толстой. Т. 34. С. 386. Тургенев, как вспоминал Е. М. Гаршин, говорил, что для Николая Толстого «писать было <...> почти физически невозможно. Его затруднял самый процесс письма, как затрудняет простого человека, у которого всегда напряжены руки и перо плохо держится в пальцах. / По всему этому только очень немногие его „Охотничьи рассказы“ попали в печать» (*Гаршин Е. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе. С. 388*).

⁷ Толстой. Т. 34. С. 386–387.

⁸ А. Е. Грузинский позднее опубликовал найденные им в архиве Н. Н. Толстого неоконченную повесть «Пластун (Из воспоминаний пленного)», созданную в приключенческом жанре на материале кавказской жизни (см.: Красная новь. 1926. № 5. С. 127–140; № 7. С. 125–163; датирована публикатором: не позднее 1858 г.), и «Заметки об охоте» («Весенние поля», «Заяц»), написанные предположительно «в последний год жизни» автора (см.: Охотничье сердце: Лит.-худож. альманах / Под ред. Ник. Смирнова. М., 1927. С. 70–90). В бумагах Николая Толстого остались, кроме того, отрывочные записи к повести «Последний Нургузали», основанной на кавказских преданиях (см.: *Грузинский А. Е. Писатель Н. Н. Толстой // Красная новь. 1926. № 5. С. 122–127*). Републикацию текстов см.: *Толстой Н. Н. Сочинения. Тула, 1987. См. также: Смирнов Ник. Н. Н. Толстой и его творчество: Лит. заметки // Охотничьи просторы. М., 1955. Кн. 5. С. 372–379* (здесь же опубликована глава

СОВРЕМЕННОКЪ

1857

№ II ФЕВРАЛЬ

Съ 1857 года будутъ принимать въ «Современникъ»

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ и постоянное участие:

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.

Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ

ОХОТА НА КАВКАЗЪ.

РАЗСКАЗЫ Н. Н. Т.

I.

ВЪ РОДЪ ВВЕДЕНІЯ.

Разнообразіе мѣстности, окружающей Кавказъ. — Стрѣльба туземцевъ. — Охота за дудаками. — Охота за кабанами. — Ишейки. — Звѣровыя собаки.

Кавказъ, по множеству дичи, по разнообразію мѣстности и климата, одна изъ интереснѣйшихъ странъ въ свѣтѣ для охотника. Начиная отъ степнаго дудака и сайгака до горпаго барана (тура), отъ барса, медвѣдя и до зайца, отъ лебедя до бѣлки и перепелки, здѣсь водятся различныя породы звѣрей и птицъ; поэтому-то здѣсь и возможна охота почти круглый годъ, не за однимъ, такъ за другимъ родомъ дичи.

Самая глухая пора для охоты на Кавказѣ — лѣто. Съ половины апрѣля почти вся птица сидитъ на яйцахъ; жара наступаетъ сильная; лѣсъ одѣвается; поляны заростають камышомъ и бурьяномъ; вьющіяся растенія покрываютъ лѣсъ; хмѣльникъ и плющъ переплетаются около корней деревьевъ; дикій виноградникъ покрываетъ стволы ихъ. Добравшись до самой вершины огромнаго дуба, онъ спускается оттуда длинными побѣгами. Развѣваясь по вѣтру, побѣги эти какъ будто стараются захватить въ свои зеленыя сѣти вершины фруктовыхъ деревьевъ:

Этой публикацией, подписанной «Н. Н. Т.», открывался первый раздел журнала, имя автора было обозначено только в оглавлении. Нельзя не отметить, говоря об отношениях Николая Толстого и Фета, что во втором, четвертом и седьмом разделах этого же номера «Современника» увидели свет стихотворения Фета «Даки», «У камина» и его очерки «Из-за границы».⁹ Предваряя публикацию прозы Николая Толстого, И. И. Панаев сообщал Тургеневу 24 января 1857 года, что Лев Толстой доставил в редакцию «драгоценную, капитальную вещь своего брата „Охота на Кавказе“. Мы упивались, читая ее с Боткиным. Какая простота, грандиозность картин, какое величие природы — чудо! Это сокровище будет во 2 №».¹⁰

Некрасову о «Записках» старшего брата Лев Толстой сообщил 29 июня 1856 года: «Получил я от брата Николая Записки охотничьи его — листа 3 печатных. На днях покажу Тургеневу, но по-моему прелестно».¹¹ Тургенев этого чтения ждал, он писал Толстому 18 (30) июня: «Чрезвычайно заинтересовали Вы меня тем, что Вы мне говорите о „Записках“ Вашего брата — и я почти уверен, зная его, что Вы не преувеличиваете — очень мне хотелось бы их послушать — и если не теперь, то надеюсь, что в июле я их узнаю непременно». Когда именно состоялось «узнавание», не установлено. В письме к Панаеву от 3 (15) октября 1856 года Тургенев уведомлял адресата, что напомнил Льву Толстому «о „Записках“ его брата о Кавказе, которые *прелестны* и должны появиться в „Современнике“». П. В. Анненкову 9 (21) марта 1857 года он сообщал: «„Охота на Кавказе“ Н. Н. Толстого очень мне понравилась». О «пленительном Николае Николаевиче» Тургенев просил написать ему М. Н. Толстую в письме от 4 (16) июля, добавляя: «Скажите ему, что я его люблю от души и что его „рассказы“ прелестны». И напоминал Льву Толстому 25 ноября (7 декабря), передавая поклон Николаю, что «в его записках были восхитительно поэтические страницы».¹²

Некрасов свою оценку мастерства кавказских очерков Н. Н. Толстого высказал в письме к Тургеневу от 10 (22) апреля 1857 года: «Автор не

«Кизлярские сады» из «Охоты на Кавказе»: С. 355–362); *Зайцев Ник.* «Талант наблюдателя — огромный...»: Кавказ в творчестве Н. Н. Толстого // Ставрополье. 1990. № 2. С. 114–120.

⁹ См.: Современник. 1857. № 2. С. 233–234, 237–271.

¹⁰ Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. 1847–1861. М.; Л., 1930. С. 77.

¹¹ Толстой. Т. 60. С. 70.

¹² Тургенев. Письма. Т. 3. С. 110, 129, 210, 235, 275. См. также: Пузин Н. П. И. С. Тургенев и Н. Н. Толстой. С. 63–66.

виноват, что это не повесть, но задачу, которую он себе задал, он выполнил мастерски и, кроме того, обнаружил себя поэтом. Некогда писать, а то я бы указал в этой статье на несколько черт, до того поэтических и свежих, что ай-ай! Поэзия тут на месте и мимоходом выскакивает сама собою; неизвестно, есть ли у автора творческий талант, но талант наблюдения и описания, по-моему, огромный — фигура старого казака вначале чуть тронута, но, что важно, не обмельчена, любовь видна к самой природе и птице, а не к описанию той и другой. Это вещь хорошая. Не знаю, насколько Лев <Николаевич> поправил слог, но мне показалось, что эта рука тверже владеет языком, чем сам Л<ев> Н<иколаевич>. Далекость от литературных кружков имеет также свои достоинства. Я уверен, что автор не сознал, когда писал, многих черт, которыми я любовался как читатель, — а это не часто встречаешь».¹³

Фетовское замечание о прообразе дяди Ерошки в толстовских «Казаках» (1863), который именно Николаем Толстым был «подмечен и выщупан до окончательной художественности», неоднократно цитировалось. Епишка — хозяин избы, в которой квартировали в станице Старогладковской братья Толстые. «Это чрезвычайно интересный, вероятно, уже последний тип старых гребенских казаков, — повествует автор «Охоты на Кавказе», — <...> теперь он почти девяностолетний одинокий старик. Чего не видал человек этот в своей жизни! Он и в казематах сидел не однажды, и в Чечне был несколько раз. Вся жизнь его составляет ряд самых странных приключений». Старик Епишка «от природы очень умен и имеет большой дар слова»; две его страсти — «охота и бражничанье», «они были и теперь остаются его единственным занятием».¹⁴ Ярко выразителен и вместе с тем человечен, в чем-то комичен портрет Епишки: «Вот идет он по площади, с непокрытой головой (шапку он потерял или заложил), седой, блестящей на солнце. Белые, как лунь, волосы его развеваются по ветру. В руках у него балалайка, на ногах — червики с серебром и кармазинные чинбары тоже с галунами. На нем надет засаленный, но непременно шелковый бешмет, с короткими, по локоть, рукавами, из-за которых торчат длинные рукава клетчатой рубашки. За ним тянутся его неизменные псы: Гуляй — чистый гончий кобель, Рябка — какой-то пестрый ублюдок, и, наконец, Лям — собака, не подходящая ни к какой породе, — собака невозможная, худая, старая, почти совершенно голая, с какими-то красными пятнами, вроде очков, кругом

¹³ Некрасов. Т. 14. Кн. 2. С. 68–69.

¹⁴ Толстой Н. Н., *зр.* Охота на Кавказе / С предисл. М. О. Гершензона. М., 1922. С. 27–28.

глаз, с странными пролежнями, в виде двух камней, около хвоста. Чем питаются эти собаки, — неведомо; достоверно известно только то, что Епишка не кормит их. Несмотря на то, эти собаки очень привязаны к нему и сопровождают его повсюду, особенно, когда он пьян. Он идет, то разговаривая с собаками, то распевая во все горло и играя на бала-лайке, то обращаясь с разными воззваниями к проходящим. Весьма замечательны его возгласы при встрече с женщиной: „эй! ведьма! милочка! душенька! полюби меня — будешь счастливая!“¹⁵. Этим возгласам обыкновенно предшествует какой-то особенный, одному Епишке свойственный, гортанный звук, — что-то среднее между криком и ржанием, — и в этом крике, кажется, выливается вся душа его: так он полон жизни, страсти, и надежды, и отчаяния, — в нем и призыв, и угроза, и просьба».¹⁵

В своих мемуарах Фет вспоминал зимой 1857/1858 года рядом с братьями Николаем и Львом и Марию Николаевну Толстую: «Таким образом у нас иногда по вечерам составлялись дуэты, на которые приезжала пианистка и любительница музыки графиня М. Н. Толстая, иногда в сопровождении братьев — Николая и Льва — или же одного Николая <...>».¹⁶ И здесь же возникала фигура Ивана Петровича Борисова: «И. П. Борисов, бывший сам человеком недюжинным и выдавший Льва Толстого еще на Кавказе, не мог, конечно, с первой встречи с ним в нашем доме не подпасть под влияние этого богатыря».¹⁷

С Борисовым Николай Толстой познакомился не зимой в Москве, а весной того же года, приехав из своего имения Никольское-Вяземское в Новоселки, где у И. П. и Н. А. Борисовых гостил в это время Фет с женой. «Завязались, — вспоминал Фет, — многосложные воспоминания кавказцев об этом воинственном и живописном крае».¹⁸ «Оказалось, — продолжал он, — что Новоселки в недалеком расстоянии от Никольского <...> милейший Николай Николаевич видимо привык к нашему близкому соседству, и его желтая коляска, запряженная тройкою серых, нередко останавливалась перед нашим крыльцом».¹⁹ Экипаж Николая Толстого также увековечен Фетом в мемуарах: «Не могу пройти молчанием этого экипажа, которого никак не могу в воспоминании отделить

¹⁵ Там же. С. 29–30.

¹⁶ *МВ*. Ч. 1. С. 216–217.

¹⁷ Там же. С. 218.

¹⁸ И. П. Борисов служил на Кавказе с 1850 г., участвовал в военных действиях против горцев, в 1856 г. вышел в отставку. Подробнее о нем см.: *Письма к Борису*. С. 64–75.

¹⁹ *МВ*. Ч. 1. С. 237–238.

от прелестной личности его владельца. Хотя мы и называли этот экипаж коляской, но это была скорее большая двухместная пролетка без верха, но с дверцами, повешенная на четырех полукруглых рессорах. Коляска эта явилась на свет в те времена, когда желто-лимонный цвет был для экипажей самый модный и когда экипажи делали так прочно, что у одного даже многолетнего поколения не хватало сил их изъездить. Блестящим примером тому могла служить наследственная николевская коляска <...>. Раза с два приходилось мне впоследствии проехать с Н. Н. Толстым в этой коляске на почтовых под самую Тулу и обратно, и не было примера утраты малейшего винта или гайки. Я как-то заметил Н. Н., что его коляска — *эмблема бессмертия души*. С тех пор братья Толстые иначе ее не называли». ²⁰

Лето 1858 года стало временем постоянного дружеского общения братьев Толстых, Фета, Борисова и жившего в Спасском Тургенева. Помимо близости усадеб, их сблизили литературные интересы, общее увлечение охотой, шахматами. Фет об этом времени вспоминал: «...не в состоянии сказать, сколько раз Тургеневы и Толстые сходились с нами в Новоселках или в Спасском. Помню только, что свидания эти были задушевные и веселые». ²¹ Приехав в Спасское в начале июня, Тургенев 22–25 июня «провел три очень приятных дня у своих друзей: двух братьев и сестры», как он писал Полине Виардо, имея в виду М. Н. Толстую и ее имение Пирогово, где виделся с Н. Н. и С. Н. Толстыми. Далее в письме представлены все три брата Толстые, и Николай в описании Тургенева — «прелестный малый, ленивый, флегматичный, неразговорчивый и в то же время очень добрый, с очень изысканным и тонким вкусом и чувствами, человек действительно своеобразный». ²²

Лето 1859 года Фет с женой вновь проводят в Новоселках у Борисовых, и «так как Тургенева не было в Спасском, то граф Ник<олай> Ник<олаевич> Толстой еще чаще стал посещать нас на своем „бессмертии души“». ²³ Вместе с ним Фет в июне навещает в Пирогово Сергея Толстого и затем в Ясной Поляне — Льва, вместе с Николаем Толстым он этим летом не раз выезжает на охоту. ²⁴

К весне 1860 года относится еще один фрагмент «Моих воспоминаний», связанный с Николаем Толстым. «Конечно, — пишет Фет, — мы

²⁰ *МВ*. Ч. 1. С. 238.

²¹ Там же. С. 251–252.

²² *Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 396. Подлинник по-франц.

²³ *МВ*. Ч. 1. С. 295.

²⁴ См.: Там же. С. 295–297, 298–299.

не отказали себе в удовольствии заехать на два дня в Ясную Поляну, где к довершению радости застали дорогого Н. Н. Толстого, заслужившего самобытную восточную мудростью — прозвание *Фирдуси*. Сколько самых отрадных планов нашего пребывания в яснополянском флигеле со всеми подробностями возникали между нами в эти два дня. Никому из нас не приходила в голову полная несостоятельность этих планов.

Так как в карете у нас было четвертое место, а граф Ник<олай> Ник<олаевич> собирался в наше ближайшее соседство, свое Никольское, то мы весело решили доехать вместе до Новоселок. При видимом упадке сил и удушливом кашле, милый Никол<ай> Никол<аевич> сохранил свой добродушный юмор, и его общество помогало нам забывать скуку переезда.²⁵ «Однажды, — продолжает Фет, — приехавший в нам в половине мая Ник<олай> Ник<олаевич> Толстой объявил, что сестра его графиня М. Н. Толстая вместе с братьями убедили его ехать за границу от несносных приливов кашля. Исхудал он, бедный, к этому времени очень, невзирая на обычную свою худобу; и по временам сквозь добродушный смех прерывалась свойственная чахоточным раздражительность».²⁶

Озабоченные здоровьем Николая, Сергей, Лев и Мария Толстые принимают весной 1860 года решение о поездке на воды. Избрав по рекомендации врачей прусский курорт Соден, Сергей и Николай отправляются пароходом из Петербурга в Штеттин 28 мая, Лев Николаевич и Мария Николаевна с детьми Варварой, Елизаветой и Николаем отплывают из Петербурга в Штеттин 2 июля.²⁷

Накануне, 20 июня Толстой пишет Фету: «По причине беспомощности сестры и желания видеть Ник<оленку>, я завтра на всякий случай беру паспорт за границу и, может быть, поеду с ними; особенно ежели не получу, или получу дурные вести от Ник<оленки>. — Как бы я дорого дал, чтобы видеть вас перед отъездом <...>».²⁸

Состояние Николая Толстого беспокоило всех, кто знал его близко. Живший в это время в Содене Тургенев писал Фету 1 (13) июня 1860 года: «...то, что Вы сообщили мне о болезни Николая Толстого, глубоко меня огорчило. Неужели этот драгоценный, милый человек должен погибнуть! И как можно было запустить так болезнь! Неужели он не решится

²⁵ Там же. С. 325.

²⁶ Там же. С. 326.

²⁷ См.: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. С. 213, 214.

²⁸ *Толстой.* Т. 60. С. 343.

победить свою лень и поехать за границу полечиться! Ездил же он на Кавказ в тарантасах и черт знает в чем! Что бы ему приехать в Соден? Здесь на каждом шагу встречаешь больных грудью: соденские воды едва ли не лучшие для таких болезней. Я Вам всё это говорю — за 2000 верст, как будто слова мои могут что-нибудь помочь...». И добавлял в конце письма: «Если Николай Толстой не уехал, бросьтесь ему в ноги — а потом гоните его в шею — за границу. Здесь, например, такой мягкий воздух, какого в России *никогда и нигде* не бывает». ²⁹ В письме от 9 (21) июля Тургенев сообщал Фету: «Толстому (Николаю) не слишком помог Соден; к сожаленью, он поздно спохватился, и болезнь его сделала такие шаги, что уже едва ли возможно поправить дело. Я от души полюбил его — и очень мне его жалко». ³⁰

Николай Толстой пробыл в Содене до 17 (29) августа, затем Лев перевез его в Гиер на юге Франции, близ Ниццы, где он скончался 20 сентября (2 октября). Последние дни и смерть брата Толстой описал в письмах к Т. А. Ергольской от 20 сентября (2 октября) и С. Н. Толстому от 24 и 25 сентября (6 и 7 октября), в его Дневнике короткая запись о смерти брата появилась почти месяц спустя — 13 (25) октября. ³¹ В письме к А. А. Толстой от 17 (29) октября он признавался: «Два месяца я час за часом следил за его погасанием, и он умер буквально на моих руках. Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, — это был лучший мой друг. <...> не то что половина жизни оторвана, но вся энергия жизни с ним похоронена». ³²

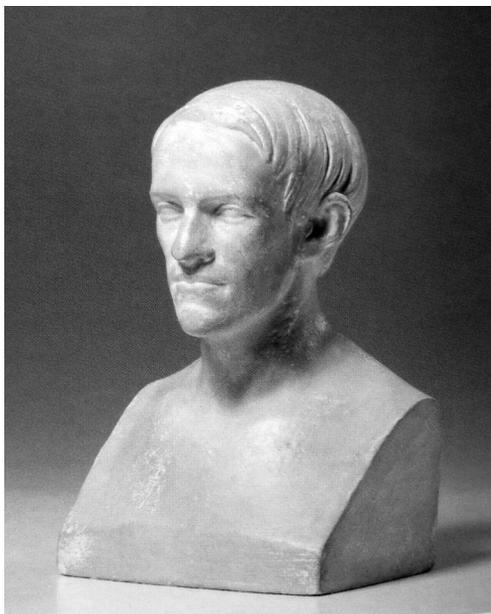
Фету о смерти брата Толстой сообщил только 17 (29) октября в подробном и крайне тяжелом письме из Гиера: «Правду он говаривал, что хуже смерти ничего нет. А как хорошенько подумать, что она все-таки конец всего, так и хуже жизни ничего нет. Для чего хлопотать, стараться, коли от того, что было Н. Н. Толстой, для него ничего не осталось. <...> К чему всё, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью подлости, лжи, самообманыванья, и кончатся ничтожеством, нулем для

²⁹ Тургенев. Письма. Т. 4. С. 201, 202.

³⁰ Там же. С. 218–219.

³¹ Толстой. Т. 60. С. 352–355; Т. 48. С. 29–30.

³² Там же. Т. 60. С. 356. Николай Толстой в известной степени явился прообразом скончавшегося от чахотки Николая Левина в «Анне Карениной»; соденские главы романа также связаны с впечатлениями Толстого от пребывания в Киссингене, Содене и Гиере (см.: *Архангельская Т. Н.* Толстые в Гиере и «Щербацкие на водах» // Яснополянский сборник. 2002: Статьи, материалы, публикации. Тула, 2003. С. 54–62).

Н. Н. Толстой.

Бюст работы В. Гифса. Брюссель, 1861 г.
Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

себя. — Забавная штука». Заключил Толстой письмо словами: «Я Вас люблю так же, как брат Вас любил и помнил до последней минуты».³³ В сознании Толстого брат Николай и Фет в продолжение многих лет будут объединены. Сообщая Фету в октябре 1862 года о своей женитьбе, Толстой напишет: «Когда я вас увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень, и между нами слишком много близкого, незабываемого — Николенька, да и кроме того». В ситуации исключительной близости вновь предстанут Фет и Николай Толстой в известном письме Толстого от 28–29 апреля 1876 года с размышлениями об уходе *туда* и адресованным Фету признанием: «...мне в эту минуту никого так не нужно было бы, как вас и моего брата. Перед смертью дорого и радостно общение с людьми, которые в этой жизни смотрят за пределы ее, а вы и те редкие *настоящие* люди, с которыми я сходилась в жизни, несмотря на здоровое отношение к жизни, всегда стоят на самом краюшке и ясно видят жизнь только оттого, что глядят то в нирвану, в беспредельность,

³³ Толстой. Т. 60. С. 357–358.

неизвестность, то в сансару, и этот взгляд в нирвану укрепляет зрение».³⁴

О кончине Николая Толстого Фет мог узнать из письма В. П. Боткина от 28 сентября (10 октября), писавшего: «Бедный и прекрасный Н<иколай> Толстой умер — вы уже, вероятно, это знаете».³⁵ Сообщил ему о смерти Толстого и Тургенев в письме от 3 (15) октября: «Да, вот мы еще с Вами собираемся жить; а для Николая Толстого уже не существует ни весны, ни соловьиных песен — ничего! Он умер, бедный, на Гиерских островах, куда он только что приехал. Я получил это известие от его сестры. Вы можете себе представить, как оно меня огорчило — хотя я уже давно потерял надежду на его выздоровление — и хотя жизнь его была хуже смерти — если только есть что-нибудь хуже смерти. <...> Я знаю — и Вы и Борисов не раз его помянете: золотой был человек — и умен, и прост, и мил. Я бы желал поговорить об его последних днях с Львом Николаичем — да бог знает, когда и где я его увижу».³⁶

О скорбной утрате Фет писал из Степановки 19 (31) октября С. В. Энгельгардт: «Слышали ли Вы, что мой дорогой и милейший Николай Толстой умер на Гиерских островах от чахотки. Это потеря для меня очень и очень тяжела. Никогда я не перестану жалеть об этом горячем, благородном сердце и светлом ясном уме».³⁷

С запозданием известие о смерти Николая Толстого дошло до И. П. Борисова, который 1 (13) октября 1860 года писал М. П. и А. А. Фетам: «...бедный, бедный Николай Толстой. Как грустно подумать, что мы похоронили уже его в нашей жизни. Жив ли он или перестал страдать и кашлять».³⁸ Когда из жизни ушел Борисов, Тургенев в письме Фету от 4 (16) июня 1871 года вспомнил Николая Толстого: «Побежал наш бедный Иван Петрович по следу Николая Толстого, как он мне писал в одном из своих последних писем! Вспоминаю я, как часто мы, стоя с ним в новосельском саду и глядя на березовую аллею, по которой Николай Толстой приезжал из-за Зуши в своих развалистых дрожках, беседовали о нем; а теперь вот и сам хозяин ушел туда же, в ту темную бездну, откуда нет возврата».³⁹

Первое из публикуемых писем Николая Толстого Фету и Борисову датировано 27 мая 1860 года. В тот же день, 27 мая, Сергей Толстой

³⁴ Толстой. Т. 60. С. 454; Т. 62. С. 272.

³⁵ Фет/Боткин. С. 293.

³⁶ Тургенев. Письма. Т. 4. С. 246.

³⁷ Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 375.

³⁸ Письма Борисова. Ч. 1. С. 168.

³⁹ Тургенев. Письма. Т. 11. С. 105; также: МВ. Ч. 2. С. 231.

отправил письмо брату Льву. Его стоит привести почти полностью, так как ряд подробностей в нем или повторяют, или уточняют то, о чем идет речь в публикуемом письме Николая Толстого. Сергей пишет брату: «Левочка! Писать тебе много нечего, ибо Николенька уже тебе пишет; <...> мы выезжаем завтра, т. е. 28 мая в Штетин. Все уже окончено, советовались мы не с Шипулинским, который в деревне, а с Здекауэром (тоже знаменитость и специалист грудных болезней), он же и лечил Тургенева;⁴⁰ он нас тоже посылает туда же, куда и его, т. е. в *Соден* около *Вис-Бадена*, адрес наш в *Франкфурт-на-Майне, poste restante*. <...>

Так как я Здекауэра видел вместе с Николенькой, то я нарочно заезжал к нему после, вот его слова: *Il n'est pas bien, les poumons sont attaqués, surtout le côté droit, mais sa position n'est pas tout-à-fait désespérée* (Он плохо себя чувствует, затронуты легкие, особенно правая сторона, но его состояние не совсем безнадежное — *франц.*). Впрочем, в то время, когда я у него был, у него было по крайней мере человек 30 больных, и он торопился, и вообще видно было, что он хотел скорей от меня отделаться, у меня же, он говорит, застарелый катар, а впрочем, Бог его знает.

Здоровье Николеньки так же, как и было прежде, разве только что он еще стал слабее.

Григорович уверяет, что Соден (а ему сказал Ковалевский) есть место, куда посылают самых безнадежных, и что туда ездить не следует, ибо уныние, скука невообразимые, с утра до вечера будто носят гроба. *Пасмурно*».⁴¹

И еще одно письмо С. Н. Толстого — от 21 июня н. ст. 1860 года из Содена — заслуживает цитирования, поскольку также отчасти дублирует информацию в письме Николая Толстого: «Мы приехали в Соден уже четыре дни, и четыре дни пьем воды. Морской переезд был наисквернейший, боковая качка, меня почти все время рвало, Николенька же морской болезни не имел, но все время нашего житья в Петербурге и дорогой, которая продолжалась всего три дня морем и два дня от Штетина до Франкфурта, он был нехорош. Теперь же, в Содене, ему сдела-

⁴⁰ Шипулинский Павел Дмитриевич (1808–1872) — петербургский врач-терапевт, у которого лечились Тургенев и Некрасов (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 57, 295, 445); о Здекауэре см. ниже, примеч. к письму 1.

⁴¹ Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 220–222. Речь идет о близко знавших Льва Толстого Д. В. Григоровиче и Ег. П. Ковалевском. «Григорович здесь, чрезвычайно как мил, стал еще лучше прежнего», — сообщал С. Н. Толстой в том же письме (Там же. С. 222).

лось гораздо лучше, рвота и лихорадка прекратились, он много ходит и ест, меньше плюет и приписывает свою болезнь желудку, но доктора здешние, Вейзенталь и Гросман, находят его очень нехорошим. Здесь, в Содене, Тургенев Иван Сергеевич лечится уже Бог знает от какой болезни. Он живет два шага от нас и с Николенькой сражается в шахматы. Кроме больных, здесь нет никого, разве только Тургенев да одни какие-то русские, претолстые (русских здесь много), и больные все одного характера, чахоточные. Только и слышно что кашель, и плевание, и хрипенье. Николеньке в Содене придется прожить все лето и зиму *непрерывно* остаться здесь, т. е. за границей. Мне же 4 недели в *Содене* и 2 в *Шлангель-Баде*, тоже близко отсюда.

Соден Николеньке нравится своим спокойствием. Это крошечный городок или деревня, опрятная, видов никаких. От Висбадена это полчаса езды. Я уже выучился играть в рулетку и проиграл несколько золотых. В Содене жизнь чрезвычайно дешева, мы живем на квартире у прекрасных стариков немцев, платим очень дешево и имеем все удобства — вот все, что есть писать, разве только то, что Тургенев старается уверить себя, что он в восторге и почти влюблен в одну немочку, дочь франкфуртского портного, которая живет с ним с своею больною матерью на одной квартире. Она действительно очень мила, но, может быть, это кажется оттого, что она здесь одна здорова и молода, а остальные все больны. Несмотря, что она дочь портного, она отличная музыкантша. Бетховен, Мендельсон, Моцарт — все это ей нипочем, вся немецкая литература тоже; это не то что у нас, у Сюсюка такой дочери не будет. Это письмо опять к тебе, Машеньке и тетеньке, у которой я целую ручки. Машеньке, верно, доктора тоже, как и мне, посоветуют ехать в Соден для грудных болезней и нервных — это, говорят, единственное место в свете, жизнь очень дешева и покойна, есть прекрасный сад и музыка, квартир много. <...>

Я для себя в Содене пользы не нахожу никакой до сих пор. Погода и здесь нехороша. Говорят, никогда такой не бывало. Дожди и свежо что-то у нас. Адрес наш теперь прямее будет вам писать — прямо в Германию, в *Соден*, дом Шнейдера Ландлуст, хотя и от Франкфурта мы в получасе езды.

Переписываю адрес появственнее. A Soden près de Francfort-sur-le-Moin. Landlust. Herr Schneider. Landlust — это не улица, а имя дома, Schneider же — имя нашего хозяина».⁴²

⁴² Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 225–226.

Возвращаясь к оценкам *прелестных* очерков Николая Толстого «Охота на Кавказе», стоит вспомнить то, что писал о них их публикатор М. О. Гершензон: «Статья и теперь читается с большим удовольствием; она подкупает обилием тончайших наблюдений и точных знаний, которое сделало бы честь самому С. Т. Аксакову <...> и которое, однако, не загромождает изложения, текущего легко и непринужденно. Со второй страницы видно, что этот человек, с таким зорким взглядом и прекрасной памятью, очаровательно свободен и ясен душевно, и чем дальше читаешь, тем большую симпатию и доверие внушает его спокойный и умный рассказ. Он ничего не подчеркивает, ничего не навязывает, он благородно-сдержан без всякой сухости. В этом свободном господстве над материалом и в этом ясном спокойствии повествования — прелесть его описаний. Притом, они сделаны мастерски; многие из них истинно художественны, как, например, картина ночи в начале осени („Гуси по-прежнему ночью летают кормиться в степь“, и т. д.), — без сомнения, одно из лучших описаний живой природы в русской литературе.

Эта мягкая и, однако, весьма отчетливая живопись характеризует самого художника, и если вспомнить, что автор этих описаний брат Л. Н. Толстого, то различие между обоими братьями сразу бросается в глаза. Л. Н. Толстой в эти годы был очень далек от свободы и ясности; в его тогдашних писаниях совсем нет спокойствия, и меньше всего он был способен так всецело погружаться в созерцание. Его мысль поминутно возвращается от зрелища — на него самого и на человека вообще, т. е. на нравственное, и так как в нравственном нет покоя, но все — движение и оценка, то он беспрестанно выпадает из эпического тона и подчеркивает, и навязывает читателю отдельные черты. Словом, рассказ Н. Н. Толстого точно ровным светом освещает мирный пейзаж, тогда как в картинах Л. Н. — богатая игра света и тени, в них чувствуются темные страсти и мятежная мысль их творца. Можно догадываться о том, как импонировала эта спокойная уверенность старшего брата неуверенному тогда, тревожному Льву Николаевичу».⁴³

Выразительна оценка А. Е. Грузинского, писавшего: «В творчестве Н. Толстого сквозит его чистая, мягкая душа, чуждая всего эффектного, показного, способная к сдержанному лиризму, к углубленному созерцанию действительности <...>».⁴⁴ Слова эти вполне могут быть отнесены к опубликованному Грузинским охотничьему рассказу Н. Толстого «Заяц», начинающемуся так: «Всем известно, что заяц самое несчастное созда-

⁴³ Гершензон М. О. Предисловие // Толстой Н. Н., гр. Охота на Кавказе. С. 6–7.

⁴⁴ Грузинский А. Е. Писатель Н. Н. Толстой. С. 126.

ние, что кроме человека, который с каким-то ожесточением, всеми средствами преследует его, его уничтожают и хищные звери и даже птицы. Действительно, ни один человек не может видеть, как вскочит заяц, чтобы не закричать и не захлопать ему вслед, одним словом, не сделать чего-нибудь в этом роде; действительно, человек изобрел против него разнообразнейшие способы охот и ловушек <...>. Но есть и для него блаженное время, когда лес и поле, одетые свежей зеленью, представляют ему надежный приют, защиту против врагов и обильную пищу, когда он вполне наслаждается жизнью и прелестью любви. Это — когда овес начинает куститься, а рожь идет в трубку. Целый день лежит он в лесу, в овраге, в самой чаще, где густой и широколиственный орешник образовал такой свод, что лучи солнца не проникают туда; там пахнет сыростью, черноземом, там прохладно даже тогда, когда стадо сошло вниз к реке, к мельничному пруду и стоит по колено в воде, когда в поле тихо и пусто, хохлатые жаворонки и подорожнички попрятались, ласточки без крика, и как-то не так проворно, шныряют по воздуху, некоторые даже садятся на землю и сидят неподвижно с раскрытыми ртами, копчики, которые все время с пискливым криком кружились в воздухе, тоже сидят на кочках, просиживая свои зобы, — один только лунь ленивыми размахами летает над полем, точно он купается в воздухе. В лесу тоже все смолкло, разве вдруг защелкает черный дрозд, да заяблик сделает короткое коленце. И так лежит заяц до вечера».⁴⁵

И особенно ценно свидетельство И. А. Бунина (в записи А. Бахраха), признававшегося, что, перечитывая «Кзаков», он жалел о том, что одновременно не мог еще раз прочесть «Охоту на Кавказе». «А ведь это подлинно прекрасная вещь, — точно стараясь меня в чем-то убедить, — почти с волнением в голосе воскликнул Бунин. — Да могло ли быть иначе, коли ее автором был такой удивительный человек, как Николай Толстой. Если вам представится возможность, непременно прочтите эту повесть, даже если вы ничего в охоте не смыслите. Когда я писал мою книгу о Толстом, мне хотелось уделить в ней хотя бы несколько страниц его брату Николаю, но у меня не было достаточно материалов под рукой. Ведь Николай Толстой умер задолго до моего рождения. Мой отец его раз-другой встречал, и говоря о нем, едва удерживал слезы, а ведь сентиментальностью отец не отличался. А кто теперь Николая Толстого вспоминает? Вы только прочтите, что о нем думали Тургенев и Фет, который в своих весьма неприятных воспоминаниях писал, что „Николай Толстой был замечательным человеком, про которого

⁴⁵ Охотничье сердце: Лит.-худож. альманах. С. 81.

мало сказать, что все знакомые его любили — они его обожали“. Николай, собственно, бесшумно проводил на практике многие из тех идей, которые развивал его брат в своих теоретических построениях. А Тургенев утверждал, что Николай потому не сделался писателем, что был лишен тех недостатков, которые нужны, чтобы им стать. Вы, конечно, понятия не имеете о том, что эти тургеневские слова Толстой приводит где-то в своих дневниках, и вы даже не догадываетесь, как часто я о них думаю». Прерванный собеседником, Бунин продолжал: «Не отвлекайте меня от того, что я хочу еще досказать об „Охоте“. <...> Повторяю, постарайтесь прочесть ее, и вы увидите, как она удивительно прозрачно написана, с таким легким юмором, что, ей-же-ей, стоит „Записок охотника“. У этого дилетанта полезно поучиться любому профессионалу. Он не мудрствуя лукаво пишет о том, что видел, но как поэтично все это передано, а его Епишка, конечно, прообраз более колоритного дяди Ерошки, которому Лев Николаевич как-никак придал известную тенденциозность, пожелав изобразить его как представителя природного начала. Ведь недаром оба брата прожили некоторое время вместе в той же гребенской станице, встречали тех же людей — так что совпадения неминуемы.

Молодцы были редакторы „Современника“, — успокаивался Бунин, — что охотничий очерк никому не известного Николая Толстого поместили на первом месте в одном из номеров своего журнала. Некрасов не вполне зря признавал, что „рука Николая Толстого тверже владеет языком, чем рука его брата“ и что „далекость от литературных кругов имеет свои преимущества“. Какая умница — Некрасов, которого вы, конечно, не любите. Где вам? Вам бы только запускать в небеса ананасом! (Это был любимый бунинский припев при разговорах со мной)».⁴⁶

Три публикуемых письма Н. Н. Толстого включены (с незначительными разночтениями) в текст «Моих воспоминаний».⁴⁷ Здесь публикуются по подлинникам — РГБ. Ф. 315. К. 11. № 54. В текстах писем имеются немногочисленные карандашные поправки (вероятно, сделанные Фетом при подготовке их к публикации). В начале каждого письма помета красным карандашом: «Переписано».⁴⁸

⁴⁶ Бахрах А. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 15–17 (гл. «Охота на Кавказе»).

⁴⁷ См.: МВ. Ч. 1. С. 331–333.

⁴⁸ Известны еще два письма Н. Н. Толстого (незначительного содержания), адресованные И. П. Борисову (<1859>; ИРЛИ. № 20327) и Фету (б/д; РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 1. № 32). За сведения о них приношу благодарность В. А. Лукиной, за копию из РГАЛИ — С. А. Ипатовой.

1

27 мая (8 июня) 1860 г. Петербург

Любезные Друзья Афанасий Афа<насьевич> и Иван Петрович, исполняю обещание мое даже раньше, чем обещал; я хотел писать из-за границы, а пишу из С. П.

Мы уезжаем в субботу, то есть завтра.¹ Я советовался с Здекауером,² он петербургский доктор, а вовсе не берлинский, как мне показалось, читая письмо Тургенева.³ Воды, на кот<орых> Тургенев теперь находится, *Соден*,⁴ нас туда же посылают. Следовательно, мой адрес тоже: *В Франкфурте на Майне poste restante*.

Когда Вы были у меня, я Вас, Афанасий Афанасьевич, забыл просить об одном очень важном одолжении. Я приказал моему старику приказчику,⁵ если будет очень нужно меня о чем-нибудь уведомить, посылать свои письма к Вам, а Вы будете так добры, будете их пересылать мне, и для этого, когда будете^a уезжать из Новоселок, дайте ему Ваш адрес. Что здоровье Марии Петровны, которой я от души свидетельствую мое истинное почтение?

Неужели у вас тоже такие холода, здесь в Петерб<урге> это страх, холод, ветер, по утрам мороз, просто черт знает что. Прощайте, милые Друзья, будьте здоровы.

Весь Ваш
Гр. Н. Толстой.

27 мая^b
1860 г.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 54. Л. 1–2.

¹ Об отплытии С. Н. и Н. Н. Толстых из Петербурга в Штеттин см. во вступит. статье.

² Николай Федорович Здекауэр (1815–1897) — профессор медицины и общественный деятель; в 1840–1864 гг. занимал кафедру в Медико-хирургической академии в Петербурге, где читал лекции по патологической анатомии; автор ряда научных трудов. Тургенев лечил у него в феврале 1860 г. «болезнь в горле», о чем сообщал нескольким своим адресатам, в том числе и Фету в письме от 15 (27) февраля: «...час спустя после того, как я приехал в СПб, — у меня открылось кровохар-

^a Слова: для этого и будете — вписаны над строкой.

^b мая — вписано вместо зачеркнутого: марта

кание — которое меня несколько сконфузило: доктор Здекауер объявил мне, что у меня какая-то хроническая гадость в горле, что мне нужно сидеть дома и пить рыбий жир <...>» (Тургенев. Письма. Т. 4. С. 159–160).

³ Сохранилась единственная короткая записка Тургенева к Н. Н. Толстому — от 9 (21) июля 1858 г. (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 327).

⁴ В Содене Тургенев пробыл с 25 мая (6 июня) по 6 (18) июля 1860 г. (см.: Тургенев. Письма. Т. 4. С. 683).

⁵ Речь идет о П. Е. Воробьеве, служившем бурмистром в Ясной Поляне, позднее, в течение 26-ти лет, вплоть до смерти, — управляющим в имении Н. Н. Толстого Никольское-Вяземское (см.: Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. С. 225).

2

Начало июня ст. ст. 1860 г. Соден

Не дождавшись от Вас послания, пишу к Вам, чтобы Вас уведомить, что я благополучно приехал в Соден, впрочем, при моем приезде из пушек не стреляли. В Содене мы застали Тургенева, кот<орый> жив-здоров, и здоров так, что сам признается, что он *совершенно* здоров. Нашел какую-то немочку и восхищается ей.¹ Мы (это относится к милейшему Ив<ану> Петровичу) поигрываем в шахматы,² но как-то нейдет: он думает о своей немочке, а я о своем выздоровлении. Если я нынешнею осенью пожертвовал, то к будущей осени я должен быть молодцом. Соден прекрасное место, нет еще недели, как я приехал, а чувствую себя уже очень и очень лучше.

Живем мы с братом на квартире, 3 комнаты 20 гулденов в неделю, table d'hôte гулден, вино запрещено — по этому вы можете видеть, какое скромное место Соден, — а мне он нравится. Против окон моих стоит очень неказистое дерево, но в нем живет птичка и поет себе каждый вечер, она мне напоминает флигель в Новоселках.

Засвидетельствуйте мое почтение Марии Петровне и будьте здоровы, Друзья мои, да пишите почаще, я в Содене, кажется,³ надолго, недель на шесть по крайней мере. Вот мой подробный адрес. В Германию: такому-то в Соден близ Франкфурта-на-Майне, Lusthaus, chez Mr. Schneider. Путешествие не описывал, потому что всё время был болен. Еще раз прощайте.

Весь Ваш
Граф Н. Толстой.

³ кажется — *вписано*.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 54. Л. 3—4.

¹ О немочке см. подробнее в письме С. Н. Толстого от 21 июня из Содена, процитированном во вступит. статье.

² В «Моих воспоминаниях» Фет оставил свидетельство о страсти к шахматам всех троих — Николая Толстого, Тургенева и Борисова. Он писал: «...Ник<олай> Толстой и Борисов оба были шахматными игроками; и бывало, как сцепятся, то их и водой не разольешь. Что касается до меня, то я никогда не мог себя принудить обдумывать весь ход этой игры, которой правила мне известны». И далее в рассказе о приезде Тургенева в Новоселки летом 1858 г. отметил: «После обеда, едва только Тургенев узнал в Борисове шахматного игрока, как они уже сцепились до самого вечернего чая <...>» (МВ. Ч. 1. С. 244–245, 251). Тургенев писал Фету из Содена 1 (13) июня 1860 г.: «Это хорошо, что Вы поступили в благородный цех шахматистов; лучшего учителя, чем Иван Петрович, Вам не нажить» (Тургенев. Письма. Т. 4. С. 201–202). См.: Линдер И. М. И. С. Тургенев и шахматы // Тургеневские чтения. М., 2009. Вып. 4. С. 272–284.

3

7 (19) июля 1860 г. Соден

Я бы давно написал вам, любезные Друзья мои, но мне хотелось написать вам об всех составляющих нашу Толстовскую колонию, но тут произошла ужасная путаница, которая наконец распуталась следующим образом: сестра с детьми приехала в Соден и будет в нем жить и лечиться, дядя Леушка остался в Киссингене в 5 часах от Содена и не едет в Соден,¹ так что я его не видал. Письмо ваше я отправил к Левочке с братом Сергеем, который будет в Киссингене проездом в Россию, он скоро у вас будет и всё вам подробно расскажет. Извините, добрейший Афанасий Афанасьич, что я прочитал Ваше письмо к брату,² много в нем правды, но только где вы говорите об общем, а где говорите о самом себе,³ там вы не правы, всё тот же недостаток практичности: себя и кругом себя ничего не знаешь. Но⁴ ведь не боги горшки обжигали, бросьтесь прямо в практичность, окунитесь в нее с головой, и я уверен, она вытеснит из вас байбака, да еще выжмет из вас какую-нибудь лирическую штучку, которую мы с Тургеневым да еще несколько человек прочтем с удовольствием. А на остальной мир — плевать!

¹ к брату — *вписано*.

² о самом себе — *вписано*.

³ *Далее было начато*: знаете.

За что я вас люблю, любезнейший Афанасий Афанасьевич, за то,^г что всё в Вас правда — всё, что из Вас, то^а в Вас, — нету фразы, как, например, в милейшем и пр<очее> Иван Сергеевиче.³ А очень стало мне^с без него пусто в Содене, не говоря уж о том, что шахматный клуб расстроился, даже аппетит у меня стал не тот, с тех пор как не сидит подле меня его толстая и здоровая фигура и не требует придачи то моркови к говядине, то говядины к моркови. Мы часто об Вас говорили с ним, особенно последнее время: вот Фет собирается, вот Фет едет, наконец Фет стреляет. Иван Серг<еевич> купил собаку — черный полукровный понтер <так!>.⁴

Я воды кончил, намерен делать разные экскурсии, но все-таки моя штаб-квартира в Содене и адрес тот же. Сестра кланяется как Вам, так и Иван Петровичу и просит уверить Марию Петровну в искренней ее к ней дружбе и уважении, я с своей стороны прошу Марию Петровну не забывать меня, который никогда не забудет ее милое гостеприимство в Козюлкине <так!> и Сердобинке,⁵ как бы поскорее туда под ваше крылышко.

Погода здесь отвратительная.

Целую Вас от души.

Весь Ваш
Гр. Н. Толстой.

19 июля.

Нов<ый> штиль.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 54. Л. 5–6 об.

¹ М. Н. Толстая с детьми выехала из Берлина в Соден 8 (20) июля, Толстой же до 21 июля (2 августа) оставался в Берлине, затем до середины августа жил в Киссингене, где, увлеченный педагогией, посещал местные школы. В Киссингене у брата с 28 июля (9 августа) по 1 (13) августа гостил Н. Н. Толстой; в Соден Лев приехал 14 (26) августа (см.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828–1890. С. 214–218).

² О каком письме идет речь, неизвестно.

³ Фрагмент письма «За что я Вас люблю ~ нету фразы» неоднократно цитировался; см., например: *Летопись* (1985). С. 163; *Фет/Боткин*. С. 180 и др. Врагом «фразы» выступал во второй половине 1850-х гг. молодой Лев Толстой, заявлявший свои позиции среди петербургских литераторов. А. В. Дружинин, свидетель войны

^г за то — *вписано*.

^а Далее *вписано и зачеркнуто*: и

^с очень стало мне — *вписано*.

Толстого с «фразой», записал в дневнике 7 декабря 1855 г.: «Мы проехали к больному Тургеневу, и там сей лаз объявил, что удивляться Шекспиру и Гомеру может лишь человек, пропитанный фразою» (*Дружинин А. В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 360.* Лаз — дикарь, как и использованные в той же записи по отношению к Толстому «троглодит», «баши-бузук», «редиф»). О том же Дружинин делает запись 11 января 1856 г.: «Мне становятся понятны вечные споры Толстого с Тургеневым. Сам Тург<енев> сознается, что в нем живет фраза. И кажется мне, — он не знает сам, до какой степени поработен он гнилою, состаревшеюся фразою! Нет в нем серьезной строгости, практичности духа, и спокойной широты в убеждениях. И все-таки я люблю его ужасно, за то и сержусь» (Там же. С. 370). В письме к И. А. Гончарову от 7 (19) апреля 1859 г., накануне ссоры как с адресатом письма, так и с Толстым, Тургенев с горечью признавался: «...думает же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю — ради фразы» (*Тургенев. Письма. Т. 4. С. 36*). Отражением толстовского неприятия «фразы» явилась салонная французская речь в тексте «Войны и мира», представленная автором «языком красивой фразы и искусственной позы» (*Виноградов В. В. О языке Толстого // ЛН. Т. 35–36. С. 150*).

⁴ О покупке собаки Тургенев рассказывал Фету в письме от 29 июня, 9 июля (11, 21 июля) 1860 г. (*Тургенев. Письма. Т. 4. С. 218*).

⁵ *Козюлькино* (Козюлькино) — деревня на берегу р. Зуши, рядом с которой располагалась родовая усадьба Шеншиных Новоселки. Сердобинкой назывался московский дом, в котором Фет с женой жил с 1857 по 1861 г., дом Сердобинской на Малой Полянке.